

УДК 261.7

**ЦЕРКОВНЫЕ КАНОНЫ И СОВЕТСКИЕ ЗАКОНЫ:
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА**

Молодов Олег Борисович,

Вологодский государственный университет (г. Вологда, Россия)

В статье характеризуется соотношение законодательства, действующего в период позднего социализма в СССР, и требований канонического права, которыми руководствовались православный епископат и клир, выявляются ситуации, при которых законы и каноны вступали в противоречие. Статья подготовлена на материалах региональных архивов Европейского Севера.

Важной проблемой взаимоотношений государства с религиозными объединениями является правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений. Революционные события в России в 1917 г. привели к созданию светского государства, в котором религиозные организации лишались прав юридического лица и постепенно вытеснялись из общественной жизни.

Вместе с тем, наряду со светским законодательством о религиозных культах, в течение всего советского периода истории страны действовало каноническое (церковное) право, не воспринимаемое властями в качестве элемента правовой системы. Русская православная церковь (РПЦ) Московского Патриархата в повседневной деятельности руководствовалась правилами, установленными вселенскими и поместными соборами, святыми апостолами и святыми отцами [8]. В некоторых ситуациях возникали противоречия церковного права, светского законодательства и сложившейся правоприменительной практики, которые рассматриваются в данной работе.

Избрание епископа через мирских начальников категорически запрещено канонами (VII Всел., 3). В действительности, назначения епископов на кафедры производились по согласованию с властями (руководством Совета по делам РПЦ (с 1965 г. – Совета по делам религий), а в конечном итоге – с КГБ СССР. Возможно, и рукоположение в епископский сан также заранее оговаривалось. Перевод епископов на другую кафедру рассматривается канонами как духовное прелюбодеяние (Сардик., 2, Апост., 14). На практике, особенно в 1950–1960-е гг. многие архиереи служили в епархиях не более пяти лет. В итоге среди архиереев, служивших на Европейском Севере СССР, Михаил (Чуб) сменил семь кафедр, Мстислав (Волонсевич) и Никон (Фомичев) – по шесть, Мелхиседек (Лебедев) – пять.

В архивных документах сохранились упоминания о роли спецслужб в вопросах назначения и перемещения духовенства. В частности, уполномоченный СДРПЦ сообщал о беседе с начальником МГБ области, подтвердившим правильность перевода священника С. в г. Череповец, поскольку это облегчало наблюдение за его деятельностью [7].

Канонами так называемое «вдовство» епархии (то есть вакансия должности управляющего) ограничивается трехмесячным сроком. В советский период существовали примеры грубого нарушения этого предписания. Олонецкая епархия, территориально совпадавшая с Карельской АССР, вдовствовала более 40 лет (1948–1990 гг.). После закрытия приходов, открытых во время оккупации Карелии финскими войсками, содержать там управляющего при наличии трёх действующих храмов было нецелесообразно, но при этом епархию не ликвидировали.

Руководящая роль епископа в своей епархии (Халкид., 8; Анкир, 5) также всячески ограничивалась. Архиерей не мог самостоятельно решать вопросы назначения и перевода духовенства на другой приход и многие другие. С начала 1960-х гг. священника в соответствии с закрытой Инструкцией по применению законодательства о культах 1961 г. нанимал на службу исполнительный орган прихода, а справку о регистрации выдавал уполномоченный СДРПЦ (СДР) [2]. Кадровые перестановки также согласовывались с региональными уполномоченными [9].

Обязанностью епископов и клириков является постоянная проповедь (2 Тим., 4 : 2; Апост., 58; Трулл., 19). Однако их проповедническая деятельность находилась под жестким контролем местных властей и общественников-атеистов. Со-

гласно п. 5 Положения о комиссиях содействия по соблюдению законодательства о религиозных культурах, одной из задач комиссии провозглашалось «осуществление постоянного наблюдения за деятельностью религиозных организаций и духовенства» [1; 3]. Посещая богослужения, «антирелигиозники» внимательно прослушивали содержание проповедей, пытаясь выявить в них наличие антисоветских призывов и т.п. Во избежание конфликтов некоторые архиереи читали краткие проповеди и избегали выступлений перед верующими, что не способствовало активизации церковной жизни [4; 5]. Напротив, епископ Дамаскин (Бодрый) и вологодский протоиерей Геннадий Яблонский получали предупреждения от властей за смелые высказывания о защите веры от антихристов [5; 6].

Духовенство по-разному реагировало на попытки установления тотального контроля за приходской жизнью. Большинство читало готовые проповеди, публикуемые «Журналом Московской Патриархии» – легальным, но подцензурным изданием. Некоторые клирики проповедей не произносили, ссылаясь на недостаток грамотности или слабое зрение [10].

Как и епископату, клиру не удавалось беспрепятственно реализовывать свои обязанности: крестить (Апост., 50), исповедовать (Апост., 52), венчать и погребать (Карф., 50). На проведение таинств и обрядов советским законодательством о культурах налагались различные ограничения и запреты:

- крещение детей проводилось только в присутствии обоих родителей, паспортные данные которых с начала 1960-х гг. заносились в квитанции, хранившиеся в книгах регистрации, регулярно проверяемых чиновниками;

- запрещались обряды на открытом воздухе и на квартирах граждан (кроме исключительных случаев с тяжело больными верующими). Официально разрешенный крестный ход вокруг храма на Пасху требовал согласования с властями и проводился с участием милиции и дружинников.

В изучаемые годы одним из способов адаптации духовенства и верующих к сложившейся ситуации являлось злоупотребление каноническими дозволениями, предусмотренными в виде исключения. В частности, крещение «бабушками» на квартирах верующих, так называемые «заочные отпевания» умерших и использование женщин в качестве псаломщиков.

Таким образом, с целью сохранения собственной организации РПЦ была вынуждена смириться с «интервенцией» государства в сферу ее деятельности. Жесткий контроль религиозной жизни приводил к каноническим деформациям в жизни епископата и клира, а также к необходимости адаптации к новой модели государственно-церковных отношений.

Литература

1. Государственный архив Архангельской области (ГААО). – Ф. 1948. – Оп. 3. – Д. 660а. – Л. 2–4.
2. ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 98. Л. 71–81.
3. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 521. – Оп. 5. – Д. 13. – Л. 2–4 об.
4. ГАВО. – Ф. 1300. – Оп. 14. – Д. 22. – Л. 12–13.
5. ГАВО. – Ф. 1300. – Оп. 14. – Д. 30. – Л. 7–8.
6. ГАВО. – Ф. 1300. – Оп. 14. – Д. 48. – Л. 11.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-6991. – Оп. 1. – Д. 630. – Л. 33–34.
8. Книга правил Святых Апостоль, Святых Соборовъ Всесенскихъ и Поместныхъ и Святыхъ Отець: Репринтное издание. – Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992.
9. Молодов, О.Б. Источники о контроле за проповедями православного духовенства Вологодской епархии в 1960–1980-е гг. / О.Б. Молодов // Вестник архивиста. – 2012. – № 4. – С. 84–94.

10. Молодов, О.Б. Роль уполномоченных Совета по делам религий в реализации государственной вероисповедной политики на Русском Севере (1960–1980-е гг.) / О.Б. Молодов // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2015. – №1 (28). – С. 242–248.